

КОНЕВА Анна Владимировна / Anna V. KONEVA

| Переживание ничто |

КОНЕВА Анна Владимировна / Anna V. KONEVAРоссия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии.
Заведующая сектором. Кандидат философских наук, доцент.Russia, St. Petersburg
St. Petersburg branch of the Russian Institute of Cultural Research.
Head of department. PhD in philosophy, senior lecturer.akoneva@list.ru

ПЕРЕЖИВАНИЕ НИЧТО

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ [С. А. ЛИШАЕВА](#) «СТАРОЕ И ВЕТХОЕ.

ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ»

В рецензии на книгу С. А. Лишаева «Старое и ветхое: опыт философского осмысления» автор обосновывает эвристически плодотворный подход к осмыслению современного типа философствования, формированию нового категориального аппарата, исследованию феноменов культуры и обретению смысла человеческого существования в горизонте времени. Ветхое как феномен и эстетическая категория стали основанием принципиально нового взгляда на вещный и человеческий мир, погружение в текст книги открывает новые темы для рассуждений, заставляет читателя продолжить и продлить рассуждения автора, в чем рецензент видит особую ценность книги.

Ключевые слова: ветхое, старое, старость, вещь, время, присутствие, экзистенция, возраст, эстетика, Другое

Experiencing Nihil

The book “The Old and the Decrepit: An Experience of Philosophical Interpretation” by S. A. Lishaev presents a heuristically productive approach to the interpretation of the contemporary practice of philosophy, the formation of a new categorical apparatus, research into cultural phenomena and the meaning of human existence in its time horizon. The Decrepit, as a phenomenon and an aesthetic category, becomes the basis for the new world view of things and people. The book reveals new themes and invites discussion, which gives it particular importance.

Key words: the decrepit, the old, thing, time, presence, existence, age, aesthetics, the Other

Эту книгу хочется взять в руки. Дело даже не в названии, которое привлекает своей кажущейся тавтологичностью — ведь что такое ветхое как не старое? Дело, кажется, и не в обложке, приятной своей мнимой ветхостью — цветом пожелтевшей от времени бумаги, руинами на картинке, чуть шершавой успокаивающей фактурой. Дело и не в интриге авторского взгляда — почему вдруг специалист по эстетике отдает дань грани исчезновения, за которой, уже так близко — Ничто, а ветхое, которое едва удерживается над Его бездной, истолковывается как достойное внимания? Пожалуй, дело в том самом экзистенциальном влечении к ветхому, о котором пишет профессор Лишаев и которое стало отправным пунктом его собственных размышлений: «Пытаясь понять, что питает мое внимание к старому и ветхому, я нахожу как минимум два его источника. Первый — положительный: влечение к ветхо-

му скрывает в себе какую-то тайну и побуждает меня к работе понимания. Второй — отрицательный: интерес к ветхому питается отталкиванием от мира тотальной симуляции и интересом к тому, что ускользает из мира симулятивных практик», — пишет автор в предисловии, поименованном «Окликнутость Другим»¹. Итак, ветхое заявлено нам как Другое, оно окликает, влечет, заставляет взглянуться и задуматься, наконец, остановиться и вчувствоваться в это Другое, данное нам как чувственность и бытие во времени.

Ветхое — часть вещного мира, оно апеллирует к чувственному восприятию, более того, к визуальному в первую очередь — ибо ветхость, дряхление, увядание — процессы, которые, пре-

¹ С. А. Лишаев «Старое и ветхое. Опыт философского истолкования» — СПб.: Алтейя, 2010. С. 7–8.

КОНЕВА Анна Владимировна / Anna V. KONEVA

| Переживание ничто |

жде всего, зримы. Именно поэтому в современной визуальной культуре ветхое оказывается неожиданно актуально — оно останавливает взгляд, прерывая «режим экрана»². Режим экрана, который лишь задает начальную точку рассуждению о ветхом, эвристически продуктивный образ современного мира. Воззрение на мир, миро-воззрение менялось исторически вместе со сменой парадигм культуры и способов функционирования воображения. Мы знаем, что мир как картина — мир предстоящий — открылся человеку эпохи Ренессанса. Новое время исследовало и разглядывало эту картину как расстилающееся пространство, стремясь обнаружить закономерности и проникнуть в метафизическую сущность изображенного как простирающегося. С перенесением точки применения ментальных сил на *existenz* вместо *cogito* «мир как картина» стал трансформироваться в «мир как текст», а разглядывание-изучение сменилось пониманием, проникновением вглубь, вслушиванием в смысл. Загадкой и интригой стала интерпретация, стремление уловить ускользающую от понятия индивидуальность, а доминантой восприятия мира оказалось время. Современная визуальная культура, разумеется, утратила как импульс вдумчивого созерцания, так и импульс понимания и интерпретации. Клиповое восприятие, информационный поток и «мультиаскинг» не оставляют ни пространства (картина), ни времени (текст) для созерцания-понимания. Мир действительно превратился в экран, он стал прозрачен, образ его соединяет пространство и время, этот мир требует 3D-восприятия и постоянного действия: в нем надо бежать изо всех сил, чтобы только остаться на месте.

Открывая книгу о ветхом, читатель априори оказывается за порогом современности, которая интенсивна и полна сменяющих друг друга впечатлений. В постиндустриальном мире, когда нервом философских и культурологических размышлений становится повторение и различие, а доминантой воображения оказывается образ, столь изменчивый, что он уже почти не существует, размышления о ветхом разом снимают подозрения в «экранныхности». Ветхое требует удержания, остановки, оно заставляет задержать дыхание — а значит, остановить мгновение, которое прекрасно. Ветхое выступает чистым временем — и потому, как отмечает автор, что оно демонстрирует нам власть времени, ибо оно есть бытие к концу³, и потому что в нем время замерло, остановилось, показывая свою разрушительную силу⁴. Ветхое показывает вещь в ее конечности, заставляет видящего соотносить себя и видимую им ветхость с предстоянием Ничто. Именно поэтому ветхое завораживает, останавливает восприятие, заставляет прервать карусельный бег «ради сохранения равновесия» и предаться молчаливому созерцанию⁵.

Итак, философия ветхого оказывается не данью прошлому, но актуальной темой в рамках современной парадигмы *difference*.

Книга строится по принципу от категорий к феноменам. Первая часть названа «Влечение к ветхому», в ней автор удивляется влечению, которое вызывает в нас ветхое и ищет его эстетические корни. С. А. Лишаев сопоставляет ветхое и иное,

выясняет его отношение со временем и бытием, обнаруживает сущность ветхого как вещного. Это позволяет профессору Лишаеву выстроить типологию истолкования влечения, «увидеть не только отличие мира-в-горизонте-ветхого как опыта Времени от мира классического, но и усмотреть его общность с акметически-ориентированным опытом платонизирующей (классической) метафизики»⁶. Таким образом, ветхое предстает как экзистенциально-эстетический феномен, и автор ставит вопрос о различении типов восприятия ветхого — от отрицания (ветхое как неполноценное) до влечения (созерцания или захваченности). В созерцании, описанном как наивысший позитивный эстетический опыт восприятия, ветхое предстает как та точка, в которой восприятие поворачивается внутри самого себя. Восприятие ветхого провоцирует интенциональный сбой, поскольку созерцание ветхого рождает затруднения работы воображения, требует внимания к самому механизму созерцания. Определяя воображение как механизм «присвоения» мира себе в противоположность акту трансцендирования мира (вещи), мы видим, что ветхое с трудом поддается «присвоению». Оно существует само по себе, его невозможно сделать подручным, ибо оно вот-вот «рассыплется», и его страшно тронуть и страшно даже вообразить. Именно поэтому оно есть Присутствие — на грани Небытия и в чистой перспективе времени. Как, по Хайдеггеру, вещь становится присутствующей в момент обнаружения своей дефектности⁷, так, по Лишаеву, ветхое дает нам чистый опыт присутствия: «Вещь, воспринятая и созерцаемая в ее ветхости, воспринята в ее экзистенции, она в этом модуле присут(ь)ствует, а не просто наличествует»⁸. Несмотря на то, что в книге профессора Лишаева ветхое описывается в аспекте времени, как бытие-к-концу, экзистенция вещи заставляет нас помыслить его через присутствие, понятие не только по-хайдеггеровски, но и в терминах Х. У. Гумбрехта⁹, где под присутствием понимается не временное, а пространственное отношение к миру и его предметам. Таким образом, ветхое прозревает не только в его конечности-временности, но и в его пространственности здесь-и-теперь (потому что будущего у него может не быть). Так мы еще раз убеждаемся в актуальности ветхого в рамках современного контекста философских размышлений.

По-мыслить или вообразить ветхое можно лишь через эстетическое созерцание, которое «есть всегда предметно-беспредметное зрение, видение, содержащее в себе неизмеримо большее, чем просто видимый предмет (предметы). Акт созерцания — видения, сочленяющее в одно целое (в момент видения) что-то и Ни-что... Это такое видение вещей, в котором со-вмещены, со-единены, со-присутствуют физически заданное зрение, метафизически заданное представление зримого и само это метафизическое Начало ведающей зримости»¹⁰. Таким образом, заключает автор в первой части, «влечение к ветхому

² Там же. С. 5.³ Там же. С. 66.⁴ Там же. С. 79.⁵ Там же. С. 5.⁶ Там же. С. 35.⁷ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. — Томск: Водолей, 1998. С. 196–198.⁸ С. А. Лишаев «Старое и ветхое. Опыт философского истолкования» — СПб.: Алетейя, 2010. С. 100.⁹ Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. — М.: НЛЮ, 2006. С. 10.¹⁰ С. А. Лишаев «Старое и ветхое. Опыт философского истолкования» — СПб.: Алетейя, 2010. С. 47.

КОНЕВА Анна Владимировна / Anna V. KONEVA

| Переживание ничто |

есть акт трансцендирования»¹¹ — за ветхим прозревается тьма Ничто, оно не подвластно воображению, как, добавим, не подвластно и познанию.

Лирическим отступлением «Шесть слов о ветхом» автор постепенно погружает читателя в ветхость как в паутину времени, где мерой ветхости выступает историческое время, где «чтойность» ветхой вещи заставляет ее терять пространственное воплощение определенности формы¹². Автор предлагает нам и способ не увязнуть в этой паутине — благодаря многомерной эстетике различия¹³ ветхое может стать частью как философского, так и историко-культурного исследования.

Вторая часть книги отправляет нас в мир значимых ветхих вещей. Нас окружают вещи новые и старые, причем ценность первых в мире жадного и все убыстряющегося потребления возрастает. Однако новым желанным вещам противостоят вещи старинные и ветхие, ценность которых проявляется в их «вынесенности» за скобки использования¹⁴. Правда, в современной культуре ветхое и старинное вовсе не всегда оказывается неутилитарным. Нельзя упустить из виду, что ветхое уже пару десятилетий назад прочно вошло в моду — речь идет о таком феномене как винтаж, который вначале появился как мода на старинный стиль в одежде, затем оказал существенное влияние на дизайн и, наконец, стал одним из трендов в интерьере и архитектуре. Пессимистично настроенные по отношению к современности модные критики и психоаналитики рассматривают увлечение винтажом как попытку убежать от страшной действительности в мир безопасный, прожитый и пережитый. Винтаж — это память, грезы, молодые годы... К тому же, этот мир дарит весьма успокоительное ощущение через привычные, знакомые, чуть-чуть уставшие от жизни вещи. Ведь винтажная вещь — это вещь, прежде всего, любимая. Только такая вещь не затеряется в темных углах ваших антресолей, не окажется подаренной бедным родственникам или отданной «на благотворительность», а дождется «второго рождения». Те же, кому свойственен оптимистический взгляд на мир, видят в повальном увлечении винтажом моду на индивидуальность. Этот стиль ничего не диктует, при этом позволяет выразить свое собственное суждение вкуса как апробированное прошлым. Прошлое как ветхое словно бы легитимизирует настоящее, демонстрирует индивидуальность в контексте ее собственного времени, позволяя ей выбрать способ презентации через влечение к ветхо-

му. Появилась даже мода на псевдоветхость — дизайн одежды и интерьера создает вещи, притворяющиеся ветхими, артикулирующие риторику старинного — все с той же целью выражения индивидуального суждения вкуса.

Автор «Старого и ветхого» не исследует моду на винтаж, в фокус его взгляда попадает иной, не менее интересный и репрезентативный феномен ветхого — старая фотография. Фотография, которая репрезентирует отсутствие, оказывается таким же по бытийной наполненности феноменом, как сама по себе ветхая вещь. С.А. Лишаев пишет об игре присутствия/отсутствия¹⁵, которая затушевывает «чтойность», акцентирует отсутствие референта. Старая фотография — «вещь, со-бытие с которой может способствовать открытию реальности в эстетическом опыте»¹⁶, она не просто образ, и не вещь сама по себе, она выводит рассматривающего в то же переживание Ничто, которому посвящена первая часть книги.

Наконец, третья, последняя часть книги — это антропологическая старости, увиденная через линзу современной массовой культуры. Боязнь старости и смерти, три недопустимых с точки зрения американской глянцевого культуры поступка, старение, толстение и смерть¹⁷, пафос новизны и стремление к вечной молодости через призму эскалации потребления — вот темы, которые волнуют автора. Быть молодым, здоровым, красивым и если не богатым, то хотя бы состоятельным (ведь можно жить в кредит!) — модно. За этим лозунгом современной массовой культуры американского происхождения С. А. Лишаев видит процессы «конверсии веры в Бога и Его Царство в конкурентную борьбу за успех»¹⁸ и трансформацию вертикали общественного сознания в горизонталь. Культурологический анализ старости открывает новые перспективы и позволяет автору наметить позитивные сценарии старости — в горизонте «завершающихся жестов» и в прозрении и принятии «истины ветхого». Так, неожиданно оптимистично, через эстетику экзистенциального и модус ветхого неотвратимая старость приобретает иные смыслы, а философское осмысление старого и ветхого приобретает антропологический и аксиологический поворот. Осмысление старости человека как чистого присутствия и модус ветхого как точки переживания Ничто в фокусе удерживания на границе времени заставляет по-новому задуматься о смысле бытия и чертах современной культуры. В этом несомненная ценность книги С. А. Лишаева, которую не зря так хочется взять в руки.

¹¹ Там же. С. 92.¹² Там же. С. 99.¹³ См. об этом: Лишаев С. А. Эстетика Другого. — СПб., 2008.¹⁴ С. А. Лишаев «Старое и ветхое. Опыт философского истолкования» — СПб.: Алетейя, 2010. С. 122.¹⁵ Там же. С. 145.¹⁶ Там же. С. 150.¹⁷ Там же. С. 153 и далее.¹⁸ Там же. С. 160.